

УДК 343.35
ББК 67.518

Е.Е. Тонков,
доктор юридических наук, профессор,
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет

КОРРУПЦИЯ КАК ПРИЗНАК КРИМИНАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ

Аргументируя свою позицию, автор показывает, что коррупция, при фактическом отсутствии открытости, подотчетности и подконтрольности государственной власти, является естественным продуктом ее монополизации и неизбежно ведет к авторитаризму и олигархии в стране. Коррупционный механизм представляет реальную угрозу правам и свободам личности в обществе, блокируя конституционные права граждан интересами преступных формирований путем лоббирования, протекционизма, а нередко – и прямого насилия. К особенностям современного периода развития автор относит формирование прочной системы коррумпируемых связей, позволяющих безнаказанно осуществлять финансово значимые незаконные операции в сфере экономики, своевременно располагать достоверной информацией из правительственных кругов о прогнозируемой конъюнктуре, избегать правового воздействия со стороны фискальных органов.

Ключевые слова: государство; коррупция; кризис; власть; криминализация; реформы; легализация коррупции.

Ye.Ye. Tonkov,
Doctor of Law, Professor,
Belgorod National Research University

CORRUPTION AS AN INDICATOR OF CRIMINALIZATION OF POWER

The author presents reasons to prove his position and show that corruption, coupled with the actual absence of transparency, accountability and controllability of state power, is a natural product of power monopolization and inevitably leads to authoritarianism and oligarchy rule in the country. The corruption mechanism presents a real danger to individual rights and freedoms by blocking constitutional rights of citizens in preference to the interests of criminal groups through lobbying, protectionism and, quite often, through direct violence. The author regards the following as specific characteristics of the contemporary period: formation of a strong system of corruption links that allows to conduct illegal financial operations with impunity, receive timely information from the government circles regarding the predicted market situation and escape fiscal responsibility.

Key words: state; corruption; crisis; power; criminalization; reforms; legalization of corruption.

Национальный план противодействия коррупции, утвержденный Президентом РФ 31 июля 2008 г. за № Пр-1568, в качестве одной из главных мер называет законодательное развитие механизма предупреждения коррупции и разрешения конфликта интересов на государственной и муниципальной службе. В преамбуле плана подчеркивается, что коррупция, являясь неизбежным следствием избыточного администрирования со стороны государства, по-прежнему серьезно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и повышению эффективности национальной

экономики, вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности Российской Федерации [14].

На это направлен и Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Законом устанавливаются основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений [16].

Субъектами РФ принимаются долгосрочные программы противодействия коррупции, на различных уровнях органов государственной власти создаются консультативные и организационные структуры, различные общественные комитеты и комиссии.

Вместе с тем данный механизм не является абсолютно новым и, в первую очередь, потому, что понятие «коррупция» известно в России уже длительное время. Коррупция сопровождает цивилизованное общество на всем пути его развития и тесно связана с проблемой осуществления управления государством. Особое место занимает проблема коррупции органов государственной власти, которая уходит своими корнями в глубину российской истории.

Конкретные проявления коррупции полицейского аппарата России нашли отражение в трудах профессора Петербургской духовной академии Д.И. Ростиславова. В журнале «Русская старина» за май 1880 г. он приводит факты сговора преступных групп и полицейских властей, отмечая, что в XVIII–XIX вв. полиция, «получая от воров и разбойников хорошие подарки, любила им покровительствовать, поэтому потихоньку давала им возможность убежать даже из острогов или не преследовала их надлежащим образом, а сама между тем уведомляла их о тех, кто на них доносил».

Последующие годы развития Российской империи стали не только периодом совершенствования и укрепления разветвленного полицейского и чиновно-бюрократического аппарата, но одновременно и важнейшим этапом становления отечественной коррупции.

Традиции прошлых поколений получили такое мощное воплощение в современной России, возникшей на обломках тоталитаризма, что коррупция государственной власти пристально изучается не только национальной правовой наукой, но и юриспруденцией мирового сообщества. Деловые круги Запада и представляющие их интересы государственные структуры проявляют заметную обеспокоенность по поводу возможности осуществлять в нашей стране цивилизованную экономическую политику, нормально развивать бизнес, заниматься инвестированием на постсоветском пространстве.

На государственном уровне предупреждение и пресечение коррупции было назва-

но приоритетной задачей еще в Указе Президента России от 4 апреля 1992 г. «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» [15], но многие положения данного документа так и остались невостребованными. Между тем только дееспособный и эффективный аппарат исполнительной власти способен обеспечить успешную реализацию государственной политики.

К особенностям кризисного периода относится формирование прочной системы коррумпированных связей, позволяющих безнаказанно осуществлять финансово значимые незаконные операции в сфере экономики, своевременно располагать достоверной информацией из правительственных кругов о прогнозируемой конъюнктуре, избегать правового воздействия со стороны фискальных органов.

Результаты некоторых исследований показывают, что прямые потери от коррупционной деятельности составляют от 15 до 24 % годового российского бюджета [19, с. 7].

По справедливому замечанию А.В. Куракина, «безответственность и безнаказанность больше всего способствуют разрастанию и укреплению коррупции в системе государственной службы нашей страны» [12].

Характерно, что Международный кодекс поведения государственных должностных лиц был принят еще в 1996 г. Именно в нем рассматривается понятие коллизии интересов и отмечается, что «в случае возможной или предполагаемой коллизии между обязанностями и частными интересами государственных должностных лиц, они действуют сообразно с мерами, установленными для того, чтобы уменьшить или устранить такую коллизию интересов» [3, с. 129].

Т.В. Григорова приводит убедительные факты и аналитические данные о гигантских масштабах и социальных последствиях коррупции как союза организованных преступных групп и представителей государства, подчеркивая, что «чем шире распространяется коррупция, тем изощреннее становятся связи официальных должностных лиц с преступными структурами» [7, с. 15].

Метастазы коррупции интенсивно проникают в экономику государства. При фактическом отсутствии в России открытости, подотчетности и подконтрольности коррупция, являясь совокупным продуктом монополизации государственной власти, неизбежно

ведет к авторитаризму и олигархии.

Коррупционный механизм представляет реальную угрозу правам и свободам личности в обществе, блокируя конституционные права граждан интересами преступных формирований путем лоббирования, протекционизма, а нередко – и прямого насилия.

При отсутствии полноценной законодательной базы и уверенности в правовой защите обыватель вынужден вести себя по правилам, определяемым коррумпированными чиновниками. В общество уже проник вирус философии преступного мира, инфицируя социально-психологический климат и сознание социума.

По подсчетам организации Transparency International (ТИ), ежегодно российские чиновники получают в виде откатов 300 млрд долл., что составляет четверть валового национального продукта страны. В подготовленном экспертами ТИ индексе восприятия коррупции в общественном секторе Россия располагается между 154-м и 178-м местом. Если в 2009 г. только 7 % граждан были готовы к тому, чтобы пожаловаться на коррумпированных чиновников, то в 2010-м их количество возросло уже до 52 % [21].

Состояние криминализации государственного аппарата российского общества сегодня вызывает тревогу даже у тех, кто сам тем или иным образом причастен к созданию преступного механизма, запущенного легковесными манипуляциями с рыночными реформами. Размытость правосознания элитарных гангстеров и полное отсутствие какого-либо социального контроля за их деяниями инициируют не только катализацию безответственности, но и одновременно разрушают остатки государственных устоев.

Опытно-экспериментальное преодоление кризиса в российском обществе инициировало возрастающее в геометрической прогрессии хаотическое усложнение социального устройства, невиданный ранее рост структурной и функциональной дифференциации, институциональную неразбериху. Все это происходит на фоне значительного усиления влияния коррупции на социально-политическую и экономическую ситуацию в обществе, что обуславливает ее дальнейшее обострение в противовес намеченной президентом страны модернизации.

Проблема необходимости преодоления негативных тенденций и выхода из полосы

перманентной нестабильности требует незамедлительного решения и, в первую очередь, путем интеграции различных государственных и общественных структур в процесс противодействия экономической преступности.

Нельзя не согласиться с высказанным И.А. Барцичем мнением о том, что «коррупция стала неотъемлемым системным элементом государственного управления» [1, с. 16]. Являясь *атрибутивным признаком криминализованной государственной власти*, коррупция развивается по спирали, начиная от мелкого клерка в районной администрации и заканчивая высокопоставленными чинами регионального или федерального правительства. Однако при всех различиях в должностном положении коррупционеров и величине получаемых ими преступных доходов неизменно соблюдается единый принцип, заключающийся в том, что немногочисленная группа лиц обогащается за счет большей части населения.

Социальная дифференциация российского общества уже перешагнула порог, за которым в его верхних и нижних слоях начинают формироваться взаимоисключающие интересы.

А.Э. Буксман отмечает, что объем рынка коррупции в нашей стране сопоставим по доходам с федеральным бюджетом и оценивается примерно в 240 млрд долл. [4] В такой ситуации, развивающейся на фоне укрепления вертикали федеральной власти, тотального контроля экономического пространства и восстановления централизованной государственной системы управления, организованные преступные формирования, которые, судя по доблестным отчетам правоохранителей, якобы, ликвидированы, получили возможность фактически легально контролировать целые регионы.

В известном смысле именно неумелая (или, напротив, хорошо запрограммированная) внутренняя политика государства создает необходимые условия для возникновения и развития коррупции. В результате коррумпированные представители государственного аппарата и организованная преступность извлекают обоюдную выгоду из своеобразного совместного предприятия. Вот почему нередко *правоохранительные структуры воюют с коррупцией в тех рамках, в которых их правоприменительная деятельность не затрагивает собственные противозаконные интересы.*

Рассматривая гносеологическую сущность понятия «коррупция», полагаем, что в качестве ее системообразующего признака следует подразумевать сложную совокупность преступных формирований, характеризующуюся созданием и использованием собственных структур с управленческими и исполнительскими функциями, дающими возможность не только оказывать мощное воздействие на институты власти, но и непосредственно проникать в них. Анализируемая совокупность является не арифметическим множеством независимых и хаотически возникающих преступных группировок, а упорядоченной системой, в которую вовлечена определенная часть населения региона и, прежде всего, предприниматели, ставшие фактическими донорами коррупции.

Вопреки официально декларируемой точке зрения приходится констатировать наличие достаточно развитой региональной субкультуры, исповедующей образцы поведения, противоположные доминирующей культуре общества, и претендующей на право диктовать свою волю большинству граждан.

Это осуществляется постепенно, путем создания благоприятных условий ведения торговой и промышленной деятельности тем предприятиям, которые находятся в сфере финансовых интересов коррупционеров. Необходимым условием существования коррупции является наличие стабильных источников противоправного обогащения. В целях реализации данной задачи «мозговые центры» нечестных чиновников постоянно анализируют экономическую ситуацию в регионах для поиска новых каналов финансирования.

Экономические потери от коррупции гораздо шире и глубже, чем просто суммарная величина взяток должностным лицам. При этом общий объем собираемых взяток приравнивается специалистами к половине доходной части бюджета страны. По мнению ряда авторов, коррупция превратилась в своего рода рынок теневых услуг, на котором особенно активно действуют коррупционные сети – группы коррупционеров, объединенных на долгосрочной основе для извлечения корыстной выгоды из своего положения [17].

Существенно видоизменяются направления деятельности коррупционеров. В своем большинстве они уже не связаны с преступ-

ным миром, что было характерно еще десятилетие назад. Наиболее предпочтительным направлением является скупка контрольных пакетов акций доходных предприятий региона и включение в совет директоров родственников или близких знакомых. Современной коррупции свойственно значительное повышение экономической активности, увеличение удельного веса и укрепление собственных позиций в металлургической и горно-добывающей промышленности, топливно-энергетическом комплексе, кредитно-банковской системе. Экономическая целевая функция коррупции стала доминирующей, в связи с чем сегодня нет коррумпированных чиновников, которые бы не рассматривали в качестве первостепенной задачи извлечение преступного дохода.

Не менее значимой особенностью развития региональной коррупции является усиление ее воздействия на политическую ситуацию в провинциальном обществе.

Активно участвуя в избирательных кампаниях и щедро финансируя высокоэффективные избирательные технологии, коррумпированные чиновники начинают приобретать квалифицированное большинство в местных советах и законодательных собраниях, что позволяет им лоббировать и проводить в жизнь любые региональные законы и постановления, способствующие приоритетному развитию подконтрольных им хозяйственных сфер. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать составы многих региональных парламентов – большинство депутатских кресел заняты чиновниками или представителями бизнес-элиты.

По справедливому замечанию Л. Гаухмана, «принятие законов, выгодных и удобных коррумпированным должностным лицам и коррумпированной бюрократии в целом, может быть вызвано различными причинами, о которых можно лишь строить догадки» [5, с. 5].

Очевидно, что одним из ведущих факторов при этом выступает сознательная и целенаправленная *легализация коррупции*, обусловленная корыстной или личной заинтересованностью представителей законодательной власти. В результате созданные политизированные коррупциогенные формирования, использующие в корыстных целях участие своих представителей в реализации государственных экономических

программ, изымают при этом значительную часть прибыли крупных промышленных и перерабатывающих предприятий и оказывают влияние путем политического давления или насилия на распределение материальных и финансовых ресурсов. Тем самым подконтрольные им предприятия приобретают лидирующие позиции в экономике.

Сегодня уже нельзя отрицать тот факт, что коррупция стала важной составной частью современной действительности, фактическим атрибутом государственного управления. Хотя и в средние века человек знал, что такое беспредел чиновника, ему была неведома та коррупция, которая присуща цивилизованному обществу. С развитием и усложнением общественных отношений умножаются виды социального контроля и соответственно совершенствуется коррупция.

В Концепции реформирования системы государственной службы, утвержденной Президентом РФ 15 августа 2001 г., было предусмотрено формирование механизмов преодоления конфликта интересов, когда у государственных служащих возникает личная или групповая заинтересованность в достижении определенной цели, которая влияет или может повлиять на объективное и беспристрастное рассмотрение вопросов при исполнении ими своих обязанностей. Таким образом, фактически было зафиксировано существующее нередко противоречие между частными интересами государственного служащего и его должностными обязанностями.

Отсутствие сдерживающих факторов и организация борьбы с коррупцией на уровне деклараций способствуют еще большему ее распространению, порождая в обществе правовой нигилизм. В победных реляциях правоохранителей, переполняющих угодливые средства массовой информации, чаще всего фигурируют врачи, получившие незаконное вознаграждение за выдачу фиктивного листа нетрудоспособности, или незадачливые преподаватели, взимавшие деньги со студентов под видом репетиторства.

Безусловно, эти факты мздоимства подлежат осуждению, но неужели на них должна быть направлена вся мощь многочисленных карающих органов под президентским флагом национального плана противодействия коррупции?

Уровень преступности, как известно, директивами и приказами не снижается. Вот

почему степень эффективности борьбы с коррупцией целесообразно определять не количественным анализом массива совершенных преступлений, а интенсивностью и качеством их выявления, привлечением к ответственности организаторов преступлений, крупных делцов и чиновников, а не мелких служащих, являющихся во многом жертвами просчетов в социальной политике государства.

Между тем рецепт эффективной борьбы с коррупцией давно известен – создание в государстве условий для реальной политической конкуренции, обеспечение доступа граждан к правосудию, свобода средств массовой информации.

К сожалению, нашему государству пока достаточно сложно дается освоение этих нехитрых правил, давно принятых в большинстве цивилизованных стран. При этом до сих пор ни одно общество не достигло идеала верховенства права. Для этого необходимо не только, чтобы в распоряжении общества имелись совершенные законы, но и чтобы государственные органы последовательно руководствовались ими в своей работе. Как справедливо указывает Т.А. Эндикотт, достижению верховенства права, в первую очередь, может помешать нарушение норм закона должностными лицами [20, с. 312].

В работах некоторых ученых нередко встречается термин «экономизация» преступности, т. е. когда причину ее всплеска в России видят исключительно в экономике – в дефектах приватизации, в продолжающемся перераспределении бывшей общественной собственности, в ошибках экономической политики государства, которая, якобы, и толкает людей на преступления. Действительно, экономические факторы в коррупции играют огромную роль. Но криминализация страны является результатом действия не какой-то одной группы факторов, а их целостной системы, охватывающей практически все сферы общества. Являясь «разработчиком» экономической политики, государство в какой-то момент утратило возможность выполнять свою основную функцию в условиях реформы – служить надежным барьером против криминализации. Оно оказалось чересчур слабым для того, чтобы справиться с джином, которого выпустило из бутылки, спровоцировав возникновение бедности и социального дна.

Цена российских рыночных реформ – это регресс многих социально-гражданских ценностей,

деформация социальных отношений, а значит, не приближение, а удаление от модели гражданского общества.

Следует подчеркнуть опасность возрастающего влияния в обществе в период кризисной ситуации субкультуры преступного поведения. Общение с представителями преступного мира приводит к принятию их норм, ценностей, что соответственно ведет к девиантному поведению. Здесь кроется одна из причин тех опасных коллизий, которые сопровождают развитие российской правоохранительной системы. Как отмечает В.В. Лунеев, «мы имеем самую низкую эффективность деятельности милиции (полиции). И никто знать об этом не желает и не дает разобраться в этом ученым» [13, с. 54].

Важнейшей особенностью развития правоохранительных ведомств, о которой их руководители стараются не упоминать, является должностное взаимодействие сотрудников с криминальной средой, что не только налагает ответственность на носителей властных полномочий, но и в значительной степени подвергает разрушающему влиянию нравственно-правовое сознание общества. Недооценка этой проблемы, ее игнорирование, замалчивание или неловкие попытки закамouflировать реальное положение дел в угоду, якобы, общенациональным интересам, могут привести к негативным последствиям, обусловленным преступным поведением отдельных сотрудников правоохранительных структур.

По данным А.А. Сергеева, «до трети должностных преступлений, совершенных сотрудниками правоохранительных органов, связаны с использованием служебного положения в корыстных целях, в том числе с содействием криминальным структурам». Он утверждает, что «некоторые сотрудники органов внутренних дел находятся у мафии на постоянном обеспечении», причем «нередко для сотрудников правоохранительных органов отказ сотрудничать связан с риском для жизни» [18].

Анализ практики свидетельствует, что преступные группировки нуждаются, в основном, в оказании им сотрудниками правоохранительных органов двух видов услуг: во-первых, отведении от членов преступных группировок мер, преследующих цели привлечения их к уголовной ответственности; во-вторых, получение информации о мерах,

предпринимаемых следственными органами и оперативными аппаратами.

А.И. Бастрыкин справедливо обращает внимание на то, что за год с небольшим привлечено к уголовной ответственности 20 следователей Следственного комитета РФ, из них 8 – за преступления коррупционной направленности. По его мнению, «это люди, которые не смогли выдержать серьезных искушений. С одной стороны, власть колоссальная, с другой, – современные финансовые возможности преступного мира таковы, что человеку бывает достаточно только обозначить его цену» [2, с. 11].

В условиях предвыборной ситуации криминалитет всегда активизирует свое влияние на правоохранительную систему, для чего расходуются значительные финансовые ресурсы, применяются различные методы, начиная от подкупа и до открытого или завуалированного шантажа. Как считает С.А. Дьячковский, вследствие этого «низкие результаты противодействия коррупции, избличения коррумпированных должностных лиц, а также противодействия незаконному обороту наркотических средств и наркобизнесу не могут удовлетворить ни государство, ни общество» [9, с. 14].

Общий уровень скрываемых правоохранительными органами преступлений оценивается в пределах 30 % и более от заявленных, что подтверждают результаты нашего исследования, выполненного в рамках международного проекта «Доверие населения милиции и латентная преступность» [8, с. 215–270].

Причин и поводов к фальсифицированному учету много:

- ложная демонстрация милицией и другими правоохранительными органами своей способности контролировать преступность;
- неспособность этих органов справиться с растущей преступностью;
- уклонение от трудно раскрываемых уголовных дел;
- кадровая и техническая неуккомплектованность правоохранительной системы;
- слабая профессиональная подготовка сотрудников;
- широко распространенные злоупотребления и коррупция во властных структурах и др.

С момента исследования прошло около десяти лет, однако сдвигов в положительную сторону не наблюдается.

М.В. Костенников и А.В. Куракин среди основных причин масштабной коррупции в системе государственной службы называют непоследовательность административных преобразований; бессмысленное, непрерывное реформирование государственной службы; низкий профессиональный уровень многих (в том числе высокопоставленных) государственных служащих; отсутствие четких границ персональной ответственности государственных служащих; неэффективность использования административных процедур, обусловленных режимом прохождения государственной службы [10, с. 16].

Вероятно, что эти причины определены авторами верно, однако сложность ситуации состоит в том, что они не имеют решающего значения. Если бы все было так просто, то с коррупцией действительно можно было бы покончить путем простого переименования милиции в полицию. На самом деле, искаженный характер развития рыночных отношений в России не только обусловил очевидную криминализацию общества, но и очевидный регресс нравственно-духовной среды, сопровождаемый процветающим правовым нигилизмом.

Приоритетная ценностная ориентация на богатство, не подкрепленная взвешенной и выверенной идеологией, привела к таким перекосам в общественном сознании, что самыми популярными образами стали бандиты, лавочники и коррумпированные чиновники.

Идеалы личного обогащения фактически официально утвердились в качестве общего мерила ценностей, постепенно окрашивая собой всю общественную психологию. Персональный успех в достижении материального благополучия рассматривается как высшее благо. При этом социально значимыми оказываются не собственно человеческие качества, а результат их использования в конкурентной борьбе.

Обеспеченность и власть в средствах массовой информации представляются основными символами, своеобразным свидетельством приспособленности человека к новому общественному порядку.

Для современного общества в России характерны возникшие под влиянием коррупции и бюрократического произвола многочисленные маргинальные слои, причем ситуация усугубляется значительной территориальной неоднородностью населения. Жизнедеятельности цивилизованного обще-

ства противоправное поведение сотрудников властных структур угрожает не менее, чем функционирование бандитских формирований.

Криминализация России стала своеобразной «платой за свободу», следствием глобального «социального аутсайдерства», когда многие люди оказываются вне существующего общества, выталкиваются из него. Это происходит в результате дефектности социализации, которая приобрела стихийный, неуправляемый характер. Российское общество фактически утратило систему социального контроля над процессом становления подрастающего поколения, многие традиционные институты социализации, такие как семья, школа, детские и молодежные организации, теряют свое значение, а на смену им, кроме «университетов улицы», ничего не пришло. Развешивание властями на улицах дорогостоящих билл-бордов с призывами не сквернословить и не брать взятку, кроме сожаления, других чувств не вызывают.

Значительную озабоченность вызывают настойчивые попытки маргинальных слоев навязать свою волю и образ мышления большой референтной группе, сделать ее подчиненной и превратить свою антиобщественную среду в доминирующую. Понятно, что усилиями одних правоохранительных органов невозможно предотвратить подобную угрозу.

Инфицированная коррупциогенным вирусом система старается скрыть реальное положение дел, поскольку «лечение» грозит негативными последствиями для ее существования. В результате возникает парадоксальная ситуация, когда массовая коррупция, укрытие преступлений от учета, произвольное манипулирование статистикой становятся благоприятными факторами для органов государственной власти, выстраивают фундамент для иллюзорного движения вперед по пути укрепления безопасности и правопорядка.

Узкий диапазон осознания исключительно репрессивного значения функций правоохранительных органов инициирует прогрессирующий рост их отчужденности от общества. Проблема заключается в непонимании большей частью населения того, что органы правопорядка не определяют состояние правоотношений и уровня преступности.

Правовая ситуация определяется не только, и не столько уровнем профессионализма и добросовестностью сотрудников правоохранительных

ведомств, но в первую очередь уровнем развития общества, материальным благополучием граждан, их нормативной и ценностной культурой.

Нарушение законов, несоблюдение элементарных прав и свобод человека, массовый произвол должностных лиц, коррупция, рост преступности свидетельствуют о низкой правовой культуре всего российского общества.

Следует учитывать, что «баланс между объективными и субъективными основаниями криминализации сложен и во многом зависит от расстановки политических сил в стране» [11, с. 47]. Эффективность данного процесса во многом зависит от влияния факторов, находящихся в сфере правореализации, к числу которых относится фактическая обеспеченность правовых предписаний материальными и организационными ресурсами, в том числе и качественным выполнением своих обязанностей правоприменительными органами.

Характер взаимоотношений между государственными органами и населением представляет собой один из значимых индикаторов социально-политической ситуации в стране. Незаконные действия сотрудников органов государственной власти в отношении прав и свобод личности, или даже пренебрежительное отношение, воспринимаются гражданами очень остро и болезненно. Проблема еще и в том, что подчас государ-

ство не только неэффективно выполняет свои функции, но и само нарушает права граждан. Факты беззакония в деятельности властных структур опасны не только тем, что причиняют непосредственный вред конкретному лицу, но и порождают правовой нигилизм общества.

В этом невольно усматривается поворот России от гражданского общества к историческим теням самодержавного прошлого, когда еще А.И. Герцен, подчеркивая правовую необеспеченность русского народа и полное отсутствие равенства перед судом, писал: «Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство» [6, с. 251].

Люди утратили уверенность в своей защищенности государством. Рассогласование взаимодействия граждан и государства, являющееся итогом ошибочной, ориентированной на параметры государственной самооценки внутренней политики, находит свое выражение в смирении с коррупцией, колеблющемся поведении законопослушных граждан, в их реакции на ставшее привычным мздоимство чиновников, в негативных оценках способности государства обеспечить общественную безопасность, навести порядок не только в стране, но и во власти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барциц И.Н. Критерии эффективности государственного управления и глобальное управленческое пространство // Государство и право. — 2009. — № 3. — С. 12–20.
2. Бастрыкин А.И. Мы говорим на языке закона // Закон. — 2009. — № 1. — С. 9–23.
3. Борьба с коррупцией : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 51/59 от 12 дек. 1996 г. // Международные избирательные стандарты : сб. докл. — М., 2004.
4. Буксман А.Э. Ни дать, ни взять // Рос. газ. — 2006. — 7 нояб.
5. Гаухман Л. Коррупция и коррупционное преступление // Законность. — 2000. — №6. — С. 2–6.
6. Герцен А.И. Собр. соч. — М., 1998. — Т. 7. — 326 с.
7. Григорова Т.В. Коррупция в России: сущность, причины возникновения и социально-экономические последствия. — Новосибирск, 1999.
8. Доверие населения милиции и латентная преступность. — Харьков, 2002. — 310 с.
9. Дьячковский С.А. Состояние криминальной ситуации в России. Проблемы противодействия преступности // Закон и право. — 2004. — № 3. — С. 14–15.
10. Костенников М.В., Куракин А.В. Административно-правовые средства противодействия коррупции в системе государственной службы Российской Федерации // Государство и право. — 2009. — № 12. — С. 15–25.
11. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы криминализации // Журн. рос. права. — 2004. — № 12. — С. 46–50.
12. Куракин А.В. Административно-правовые средства борьбы с коррупцией в системе государственной службы // Журн. рос. права. — 2003. — № 7. — С. 54–56.
13. Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. — 2009. — № 1. — С. 36–56.

14. Национальный план противодействия коррупции : утв. Президентом РФ 31 июля 2008 г. № Пр-1568 // Рос. газ. — 2008. — 5 авг.
15. О борьбе с коррупцией в системе государственной службы : указ Президента Российской Федерации от 4 апреля 1992 года // Ведомости Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 17, ст. 923.
16. О противодействии коррупции : федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Рос. газ. — 2008. — 30 дек.
17. Сатаров Г.А., Батракова Е.В., Головицкий К.И. Антикоррупционная политика. — М., 2004. — 368 с.
18. Сергеев А.А. Условия распространения коррупции в правоохранительных органах и некоторые меры по их устранению // Правовые, научные и организационно-тактические проблемы оперативно-розыскной деятельности в современных условиях : тез. докл. и сообщений на науч.-практ. конф. — М., 1997.
19. Соловьев К.С. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с коррупцией : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2001. — 23 с.
20. Endicott T.A. Impossibility of the rule of law // Oxford j. of legal studies. — 1999. — Vol. 19, № 2.
21. Steiner E. Russlands Kampf gegen die Korruption // Die Welt. — 2011. — 01. — 11.

REFERENCES

1. Bartsits I.N. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. 2009, no. 3, pp. 12–20.
2. Bastrykin A.I. *Zakon* [Law]. 2009, no. 1, pp. 9–23.
3. *Mezhdunarodnye izbiratel'nye standarty* [International Election Standards]. Moscow, 2004.
4. Buksman A.E. *Rossiyskaya gazeta* [Rossiyskaya Gazeta]. 2006, Nov. 7.
5. Gaukhan L. *Zakonnost'* [Lawfulness]. 2000, no. 6, pp. 2–6.
6. Gertsen A.I. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow, 1998, Vol. 7, 326 p.
7. Grigorova T.V. *Korrupsiya v Rossii: sushshnost', prichiny vozniknoveniya i sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya* [Corruption in Russia: Essence, Origins and Socio-Economic Consequences]. Novosibirsk, 1999.
8. *Doverie naseleniya militsii i latentnaya prestupnost'* [Population's Trust of the Police and Latent Criminality]. Kharkov, 2002, 310 p.
9. D'yachkovskiy S.A. *Zakon i pravo* [Law and Right]. 2004, no. 3, pp. 14–15.
10. Kostennikov M.V., Kurakin A.V. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. 2009, no. 12, pp. 15–25.
11. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law]. 2004, no. 12, pp. 46–50.
12. Kurakin A.V. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law]. 2003, no. 7, pp. 54–56.
13. Luneev V.V. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. 2009, no. 1, pp. 36–56.
14. *Rossiyskaya gazeta* [Rossiyskaya Gazeta]. Aug.5, 2008.
15. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Supreme Soviet of the Russian Federation]. 1992, no. 17, Art. 923.
16. *Rossiyskaya gazeta* [Rossiyskaya Gazeta]. Dec. 30, 2008.
17. Satarov G.A., Batrakova E.V., Golovshinskiy K.I. *Antikorrupsionnaya politika* [Anti-Corruption Policy]. Moscow, 2004, 368 p.
18. Sergeev A.A. *Pravovye, nauchnye i organizatsionno-takticheskie problemy operativno-rozysknoy deyatel'nosti v sovremennykh usloviyakh* [Legal, Research, Organizational and Tactical Problems of Investigation and Search Actions in Contemporary Conditions]. Moscow, 1997.
19. Solov'ev K.S. *Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie mery bor'by s korrupsiey (avtoref. kand. dis.)* [Criminal Law and Criminological Measures of Fighting Corruption (Cand. Dis. Thesis)]. Moscow, 2001, 23 pp.
20. Endicott T.A. Impossibility of the rule of law // Oxford j. of legal studies. 1999, Vol. 19, no. 2.
21. Steiner E. Russlands Kampf gegen die Korruption // Die Welt. 2011, 01. 11.

Информация об авторе

Тонков Евгений Евгеньевич (Белгород) — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета. Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: etonkov@bsu.edu.ru).

Information about the author

Tonkov, Yevgeniy Yevgenyevich (Belgorod) — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dean, Law Department. Belgorod National Research University (Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, e-mail: etonkov@bsu.edu.ru)